

А.В.Семёнов

ТИМ КАРТЕР и СЕРДЦЕ ЧЕРЕПАХИ

Артём Семёнов

Тим Картер и Сердце Черепахи

<https://litres.ru/74600213>

SelfPub; 2026

Аннотация

Тим Картер и Сердце Черепахи

Тим Картер живёт в подвале у тёти и дяди, которые его не любят. Он не помнит своих родителей. Он не знает, почему лампа над его столом мигает, когда он читает. И он не понимает, почему чашки в буфете дребезжат, когда он злится.

Однажды ветер приносит ему письмо. Письмо из школы, которой не существует. Письмо, которое знает его имя.

Так Тим попадает в «Сердце Черепахи» — город на панцире гигантской черепахи, где живут волшебники. Здесь он находит друзей, врагов и тайну, которая может уничтожить всё.

В школе спрятан древний артефакт — Сердце Черепахи. Оно даёт жизнь городу. Оно открывает любую дверь. И за ним охотятся те, кто хочет использовать его во зло.

Тим — хранитель. Он тот, кто может найти Сердце. Он тот, кто должен его защитить. Но чтобы спасти всех, ему придётся отдать то, что дороже всего.

Первая часть серии о мальчике, который не хотел быть героем. Но стал им.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Артём Семёнов Тим Картер и Сердце Черепахи

Глава

ТИМ КАРТЕР И СЕРДЦЕ ЧЕРЕПАХИ

Часть первая: Мальчик, который помнил слишком много

Глава 1. Мальчик, который помнил слишком много
Тим Картер помнил всё.

Он помнил, как ему было два года — он сидел на коленях у женщины с серо-зелёными глазами и смеялся. Он помнил, как ему было три — он бежал по саду, а мужчина с тёплыми руками ловил его и подбрасывал в воздух. Он помнил, как ему было четыре — он стоял на пороге дома номер семь по улице Вересковой, а женщина с серо-зелёными глазами плакала и говорила:

— Прости, Тим. Так надо. Ты поймёшь, когда вырастешь.

А потом она ушла. И мужчина с тёплыми руками ушёл. И Тим остался один.

Ему было пять, когда он понял, что они не вернутся. Ему было шесть, когда он перестал ждать. Ему было семь, когда

он научился не плакать. Ему было восемь, когда он перестал спрашивать. Ему было девять, когда он смирился. Ему было десять, когда он начал забывать.

Сейчас ему было одиннадцать. И он помнил всё.

Он помнил, как дядя Роберт впервые назвал его «найдёнышем». Он помнил, как тётя Агата впервые сказала: «Мы взяли тебя из милости». Он помнил, как Деннис впервые толкнул его в грязь. Он помнил каждую обиду, каждое слово, каждый взгляд.

Он помнил слишком много.

Дядя Роберт был крупным мужчиной с усами, как у моржа, и голосом, от которого дрожали стёкла. Он работал управляющим на фабрике по производству свёрл — и ненавидел всё, что нельзя объяснить с помощью отвёртки и инструкции. Магия? Сказки. Чудеса? Выдумки. Странности? Их нужно лечить.

Тётя Агата, его жена, была сухопарой женщиной с поджатыми губами. Она никогда не обнимала Тима. Ни разу за шесть лет. Она просто кормила его, одевала и делала вид, что его нет.

Их сын, Деннис, был толстым мальчиком с вечно липкими пальцами. Он находил удовольствие в том, чтобы делать жизнь Тима невыносимой. Он обзывал его «беспамятным» и «найдёнышем», прятал его вещи, ставил подножки.

Тим жил в подвале. Не в чулане, не на чердаке — в подвале. Там было холодно, сыро, и по ночам из щелей выпол-

зали мокрицы. Там стояла старая кровать с продавленным матрасом, которую он застилал каждое утро, потому что тётя Агата не выносила беспорядка.

Но был один человек, который относился к Тиму иначе. Миссис Оливер, библиотекарь. Маленькая, седая, с очками на цепочке, она никогда не спрашивала, почему Тим приходит каждый день и сидит до закрытия. Она просто улыбалась и говорила:

— Читай, Тим. Книги — они как двери. Открываешь — и попадаешь в другой мир.

Тим не знал, насколько она была права.

Он приходил в библиотеку каждый день после школы. Садился в дальнем углу, у окна, и читал. Он читал всё: энциклопедии по астрономии, книги о рыцарях и драконах, потрёпанные романы о путешествиях. Но больше всего он любил истории о скрытых мирах. О дверях, которые открываются в неожиданные места. О людях, которые оказываются не теми, кем кажутся.

Иногда, когда он читал, с ним происходили странные вещи. Если книга была особенно захватывающей, лампа над его столом начинала мигать. словно подмигивала. Если Деннис доводил его до слёз, а потом Тим представлял, как его обидчик спотыкается и падает в лужу, на следующий день Деннис действительно спотыкался — правда, всего лишь о собственный рюкзак. А однажды, когда тётя Агата в очередной раз отругала его за «неблагодарность», все чашки в бу-

фете дружно задребезжали, словно от сквозняка, хотя окна были закрыты.

Тим не придавал этому значения. Он просто думал, что он странный. Неуклюжий. Такой, каким его считали родственники.

Но иногда, по ночам, ему снились сны. Яркие, цветные, живые. В этих снах он летал. Не на метле, не на крыльях — просто летал, раскинув руки. Под ним проплывали города, леса, реки. А рядом летела женщина с серо-зелёными глазами. Она улыбалась и говорила:

— Смотри, Тим. Это всё твоё.

Он просыпался в слезах. Он знал, кто эта женщина. Он помнил её. Но он не мог её найти.

Он никому не рассказывал об этих снах.

Всё изменилось в один из четвергов.

Тим возвращался из библиотеки. Дождь лил как из ведра, и он бежал по улице, прижимая к груди потрёпанный том «Мифов Древнего Севера». Внезапно из-за угла вынырнул Деннис с тремя своими друзьями. Они окружили Тима, и на их лицах было написано самое недоброе.

— Куда это мы спешим, книжный червь? — ухмыльнулся Деннис. — Что это у тебя? Очередная сказочка для малышни?

Он выхватил книгу из рук Тима и отшвырнул её в грязную лужу. Тим вскрикнул и бросился за ней, но Деннис схватил его за воротник куртки.

— Не так быстро, найдёныш. Ты должен нам за то, что мы терпим твоё присутствие в нашем доме.

— Отпусти, — прошептал Тим. — Пожалуйста.

— Пожалуйста? — Деннис расхохотался. — Слышали? Он сказал «пожалуйста»!

Дружки заржали. Один из них толкнул Тима в спину. Тим упал на колени, прямо в грязь. Дождь хлестал по лицу. Книга лежала в луже, промокшая, испорченная.

Что-то внутри Тима вскипело. Это была не просто обида — это была горячая, ослепляющая волна гнева. Он не думал ни о чём. Он просто представил, как Деннис отлетает от него. И вдруг... это произошло.

Воздух вокруг них словно сгустился. Раздался громкий, резкий ХЛОПОК — как будто лопнул воздушный шар, только в сотню раз громче. Денниса отбросило назад, словно невидимая рука толкнула его в грудь. Он пролетел добрых три метра и шлёпнулся в самую большую грязную лужу на тротуаре. Его дружки замерли с открытыми ртами.

Тим и сам замер. Сердце колотилось как бешеное. Он смотрел на свои руки, потом на Денниса, который барахтался в грязи, вопя что-то нечленораздельное.

— Ты... ты псих! — закричал один из дружков и бросился наутёк. Остальные последовали за ним.

Тим вытащил книгу из лужи, отряхнул её и, не оглядываясь, побежал домой. Он не понимал, что произошло. Он был напуган. Но где-то глубоко внутри, рядом со страхом, при-

таилось крошечное, робкое чувство... торжества.

Дома его ждал скандал. Деннис, перепачканный и злой, уже всё рассказал. Тётя Агата кричала, что он «опасный мальчишка», а дядя Роберт впервые за долгое время вышел из кабинета и молча, с тяжёлым взглядом, посмотрел на Тима. Его молчание было страшнее любых криков.

— Это ты сделал? — спросил он тихо.

— Я... я не знаю, — прошептал Тим. — Я не хотел...

— В этом доме не будет никаких фокусов, — сказал дядя Роберт. — Ты меня понял? Никаких.

Тима заперли в подвале, лишив ужина. Он сидел на кровати, обхватив колени руками, и слушал, как за окном завывает ветер. Дождь прекратился, и на небе, сквозь тучи, проглядывала полная луна. Её свет падал в маленькое окошко под потолком, рисуя на полу странные узоры.

Тим думал о том, что произошло. Может, это был просто приступ ярости, давший ему нечеловеческую силу? Но ХЛОПОК... этот звук был слишком странным. Словно сам воздух взорвался.

Он посмотрел на своё запястье. Там была родинка — маленькая, тёмная, в форме ключа. Он не помнил, когда она появилась. Она была у него сколько себя помнил. Но сегодня... сегодня она почему-то показалась ему теплее, чем обычно.

Он просидел так несколько часов, пока не уснул тревожным сном. Ему снились говорящие черепахи и двери, кото-

рые вели в звёздное небо.

А на следующее утро произошло то, что навсегда изменило его жизнь.

Глава 2. Письмо, которое знало его имя

На следующее утро Тим проснулся от холода.

Окно под потолком было открыто. Ветер ворвался в подвал, раскидав старые газеты по полу. Тим сел, протирая глаза. И увидел на подушке рядом с собой конверт.

Он не знал, как тот оказался там. Окно было закрыто, когда он ложился. Но конверт лежал — плотный, из бумаги цвета слоновой кости, запечатанный восковой печатью с оттиском черепахи. Просто черепахи, старинной, с панцирем, покрытым узорами.

Тим взял его. Бумага пахла грозой и старой кожей. На лицевой стороне, красивыми, чуть старомодными чернилами было выведено:

Тиму Картеру,
подвал,
дом 7 по улице Вересковой,
Мурхейвен.

Тим моргнул. Кто бы это ни был, он знал, где живёт мальчик. Он знал, что Тим живёт в подвале. Это было одновременно жутко и... почему-то правильно. Словно кто-то наконец увидел его настоящего.

Он сломал печать. Воск поддался с тихим щелчком, и из

конверта выскользнул сложенный вчетверо лист пергамента — шершавого, чуть желтоватого, с неровными краями. Тим развернул его.

«Дорогой Тим!

Мы знаем, что ты давно чувствуешь, что не такой, как все. Мы знаем о странных вещах, которые происходят рядом с тобой — о мигающих лампах, о дребезжащей посуде, о том, что случилось вчера на улице.

Ты не болен. Ты не странный. Ты — хранитель.

Твоё имя внесено в список учеников с самого твоего рождения. Мы ждали этого дня одиннадцать лет. И вот он настал.

Школа «Сердце Черепахи» приглашает тебя на обучение. Учебный год начинается первого сентября. Мы пришлём за тобой провожатого.

С уважением,

Профессор Алдрик Мерлинвуд,
директор школы «Сердце Черепахи»

P.S. Не показывай письмо родственникам. Пока что.»

Тим перечитал письмо три раза. Потом ещё три. Хранитель. Он — хранитель. Странные вещи, которые он замечал за собой всю жизнь, — это не глюки и не нервы. Это магия. Настоящая магия.

Сердце колотилось где-то в горле. Тим спрятал письмо под матрас — единственное место, которое он считал своим.

Остаток дня прошёл как в тумане. Тим пытался читать, но

буквы расплывались. Мысли путались. Хранитель. Школа. Магия.

Он думал о родителях. Он помнил их. Он помнил женщину с серо-зелёными глазами. Он помнил мужчину с тёплыми руками. Он помнил, как они ушли. И он помнил, что они не вернулись.

Может, они были волшебниками? Может, они были хранителями? Может, они ушли, чтобы защитить его?

Стемнело. Тётя Агата, дядя Роберт и Деннис сидели в гостиной перед телевизором. Тим слышал их смех и звон посуды. Его, как обычно, не позвали.

И тут ветер снова ворвался в подвал. Окно под потолком распахнулось само. Тим подошёл к нему и выглянул наружу.

По улице Вересковой, мимо одинаковых серых домов, шёл человек.

Он был высокий, худой, в длинном тёмно-синем плаще, который развевался на ветру, словно у него была своя жизнь. На голове у него была шляпа с широкими полями, из-под которой выбивались седые волосы. В руке он держал трость — длинную, чёрную, с набалдашником в виде черепахи.

Он шёл прямо к их дому.

Человек остановился у калитки. Приподнял шляпу, посмотрел на дом, потом — прямо на окно подвала. И улыбнулся.

Тим отшатнулся. Но было поздно. Человек уже открыл калитку — та, как обычно, скрипнула, — и направился к двери.

Через мгновение раздался звонок.

— Кто это в такое время? — проворчала тётя Агата. Тим слышал, как она поднялась с дивана, как зашаркала к двери. — Если это опять эти продавцы...

Дверь открылась. Повисла тишина.

А потом Тим услышал голос. Глубокий, спокойный, с лёгкой усмешкой:

— Добрый вечер. Прошу прощения за поздний визит. Меня зовут профессор Орион Стоунки. Я здесь по поводу Тима.

Тишина стала густой, как кисель. Потом раздался голос тёти Агаты — сдавленный, словно ей перекрыли воздух:

— По поводу... кого?

— Тима Картера, — терпеливо повторил профессор Стоунки. — Мальчика, который живёт в подвале. Не хотите ли пригласить меня войти? Разговор предстоит долгий.

Тим не видел, что происходило в прихожей, но слышал, как дядя Роберт что-то пробормотал, как Деннис спросил: «Мама, кто это?» — и как тётя Агата, помолчав, сказала дрожащим голосом:

— Проходите.

Шаги. Тяжёлые, уверенные. Профессор Стоунки вошёл в гостиную. А потом — Тим готов был поклясться — он остановился прямо у двери подвала.

— Тим, — позвал он мягко. — Выходи. Тебе не нужно больше прятаться.

Тим приоткрыл дверь. Профессор Стоунки стоял в узком

коридоре, и в его фигуре было что-то такое, от чего сердце начинало биться чаще. Он смотрел на мальчика без жалости, без снисхождения. Смотрел так, будто видел его насквозь — и ему нравилось то, что он видел.

— А, вижу, письмо ты получил, — улыбнулся профессор.

— Хорошо. Значит, ветер не ошибся.

— Ветер? — переспросил Тим.

— Ветер приносит письма тем, кто в них нуждается. Это старый способ. Надёжный.

Тим вышел в коридор. Тётя Агата, дядя Роберт и Деннис стояли в гостиной, глядя на них с одинаковым выражением — смесью страха, изумления и чего-то ещё, чему Тим не знал названия.

— Что... что происходит? — выдавила тётя Агата. — Что вам нужно от мальчика?

Профессор Стоунки повернулся к ней. В его глазах мелькнула тень — не гнев, а скорее усталая печаль.

— Ваш племянник, миссис Картер, — хранитель. Как и его родители, которые, к слову, погибли не в аварии, как вы, вероятно, думали. Они погибли, защищая его. Но это история не для сегодняшнего вечера.

— Мы не знали... — начала тётя Агата.

— Знали, — перебил её профессор Стоунки. — Вы знали, что ваша сестра была волшебницей. Вы знали, что её муж был волшебником. Вы знали, что Тим — не обычный ребёнок. Но вы предпочли забыть об этом. Вы предпочли спря-

тать его в подвале и делать вид, что ничего не произошло.

Тётя Агата побледнела. Дядя Роберт открыл рот, но не сказал ни слова.

— Тим, — профессор Стоунки снова повернулся к мальчику. — Собирай вещи. Мы уезжаем.

— Куда? — только и смог выговорить Тим.

— В школу «Сердце Черепахи», — сказал он, и его трость тихо щёлкнула по полу. — Там тебя ждут друзья. И твоё настоящее место.

Тим стоял, не веря. За спиной у него был подвал — сырой, холодный, пропахший плесенью. А впереди — незнакомый мир, о котором он читал только в книгах.

— У меня нет вещей, — сказал он наконец. — Только книга. И... — он запнулся, — и всё, наверное.

Профессор Стоунки мягко улыбнулся.

— Это не беда. Всё, что нужно, ты получишь в школе.

Тётя Агата открыла рот, чтобы что-то сказать, но профессор Стоунки поднял руку — и она замолчала. Просто замолчала, словно кто-то выключил звук.

— Вы получите письмо с объяснениями, — сказал он спокойно. — А пока — прощайте. И, если позволите... — он взглянул на Денниса, который вдруг побледнел и попятился, — в следующий раз, молодой человек, выбирайте, кого называть «найдёнышем». Карма — она такая. Возвращается.

Он подмигнул Тиму. Мальчик, не веря сам себе, улыбнулся в ответ.

Они вышли из дома. Ночной воздух был холодным и чистым. Профессор Стоунки шёл впереди, постукивая тростью по тротуару, и Тим следовал за ним. Впереди, в конце улицы, мигали огни. Только теперь Тим понял — это был не уличный фонарь. Это был портал.

— Держись рядом, — сказал профессор Стоунки, оборачиваясь. — Сейчас будет немного... необычно.

— А как же мой подвал? — вдруг спросил Тим. — Моя книга? Она осталась...

— Твоя книга уже в школе, — ответил он. — И поверь мне, Тим, у тебя будет много книг. Целая библиотека. Всё, что ты потерял, найдётся. И даже то, о чём ты не знал.

Он протянул мальчику руку. Тим взялся за неё — и мир вокруг завертелся, вспыхнул золотым светом, и всё исчезло.

А потом они оказались в другом месте.

Глава 3. Город на спине черепахи

Тим никогда не забудет тот момент, когда впервые увидел школу.

Они появились на вершине скалы, у подножия которой плескалось тёмное море. Ветер свистел в ушах. А перед ним, освещённый луной и тысячами звёзд, возвышался... город.

Нет, не город. Это была черепаха. Гигантская черепаха, размером с гору. Её панцирь был покрыт городами, башнями, улицами. Из панциря росли деревья, текли реки, поднимались шпили. А в центре, в самом сердце панциря, билось

что-то светящееся — как сердце.

— Это... — Тим не мог подобрать слов.

— «Сердце Черепахи», — с гордостью сказал профессор Стоунки. — Один из старейших магических городов в мире. Ему больше тысячи лет. И, Тим... — он положил руку мальчику на плечо, — это твой дом.

Они спустились по лестнице, вырубленной прямо в скале. Каменные ступени были скользкими от брызг моря, и Тим несколько раз чуть не упал.

Двери города открылись сами, когда они подошли. За ними их встретил огромный зал с высоким потолком, который... Тим не поверил своим глазам... был усыпан звёздами. Настоящими звёздами. Они мерцали и переливались, словно он смотрел в ночное небо.

— Потолок зачарован, — пояснил профессор Стоунки, заметив взгляд мальчика. — Он отражает небо над городом. Когда идёт дождь, здесь тоже капает. Правда, не на пол, а на головы тех, кто не выучил домашнее задание. Так что будь внимателен.

Тим не понял, шутит он или нет.

Вдоль стен висели портреты. Но не людей — черепах. Огромные, маленькие, золотые, серебряные, бронзовые. Каждая черепаха была заключена в раму, и когда Тим проходил мимо, они начинали шевелиться.

— Новенький! — проскрипела одна черепаха, старинная, с панцирем, покрытым узорами. — Смотрите-ка, ещё один

Огненный!

— Ничего подобного, — возразила другая черепаха, поменьше. — Он явно из Водного. Видишь, как он смотрит? Любознательный.

— Прекратите, — строго сказала третья, самая большая. — Мы ещё не знаем, куда его распределят. Не сбивайте мальчика с толку.

Тим ошеломлённо смотрел на них. Черепахи разговаривали. С ним.

— Они всегда такие, — вздохнул профессор Стоунки. — Спорят обо всём на свете. Но они не злые. Если что — они подскажут дорогу. Иногда даже правильную.

Они прошли через зал и поднялись по широкой лестнице. Лестницы в городе, как Тим вскоре узнал, двигались.

— Лестницы иногда меняют направление, — сказал профессор Стоунки, когда одна из них вдруг поехала вбок. — Не бойся. Если заблудишься — просто скажи: «Веди меня, черепаха». Город услышит.

— Город... живой?

— В каком-то смысле. Он чувствует тех, кто в нём живёт. И, кажется, ты ему нравишься.

Они остановились перед дверью, на которой была вырезана черепаха. Профессор Стоунки постучал тростью, и дверь открылась.

За ней был кабинет. Круглый, с высокими окнами, из которых открывался вид на море. В центре стоял стол, завален-

ный пергаментами, а за столом сидел старик.

Он был очень стар. Седые волосы, длинная борода, заплетённая в косичку с серебряной лентой. Круглые очки-полумесяцы. Фиолетовая мантия, расшитая черепахами, которые иногда шевелились. Глаза — голубые, с хитринкой.

— Профессор Мерлинвуд, — сказал Стоунки. — Я привёз его.

Старик поднял голову. Посмотрел на Тима. И улыбнулся. — Тим, — сказал он мягко. — Наконец-то. Я ждал тебя очень долго.

Он встал и подошёл к мальчику. Тим заметил, что он слегка хромает, опираясь на трость — не такую, как у Стоунки, а из светлого дерева, с набалдашником в виде черепаший головы.

— У тебя глаза матери, — сказал он тихо. — И упрямство отца. Я знал их обоих. Хорошие были люди. Храбрецы.

Тим хотел спросить о них, но горло сжалось. Он не мог произнести ни слова.

— Знаю, знаю, — профессор Мерлинвуд похлопал его по плечу. — Позже. Всё позже. Сейчас тебе нужно отдохнуть. Завтра — важный день. Тебя распределят.

— Распределят? — переспросил Тим.

— По факультетам. Огненный, Водный, Воздушный. Каждый из них — как семья. Найдёшь своё место.

Он протянул мальчику леденец — маленький, мятный, завернутый в серебряную бумажку.

— Возьми. Это «Мятный шёпот». Они шепчут комплименты. Очень полезно для поднятия духа.

Тим взял леденец. Он действительно что-то прошептал — тихо, еле слышно: «У тебя всё получится».

Профессор Мерлинвуд улыбнулся.

— А теперь — спать. Профессор Стоунки проводит тебя в твою комнату. Завтра ты познакомишься с остальными.

Они вышли из кабинета. Тим чувствовал себя разбитым, но в то же время — счастливым. По-настоящему счастливым. Впервые в жизни.

— Профессор, — позвал Тим, когда они шли по коридору.

— Да, Тим?

— А что такое Сердце Черепахи? Я слышал, как черепахи на портретах шептались. Они говорили о нём.

Профессор Стоунки остановился. Обернулся. В его глазах мелькнуло что-то — настороженность? Тревога?

— Где ты это услышал?

— Черепахи. На стене. Они говорили: «Сердце Черепахи откроет то, что закрыто».

Профессор Стоунки помолчал. Потом вздохнул.

— Это легенда, Тим. Старая легенда. Говорят, в городе спрятан артефакт — то самое Сердце Черепахи. Оно даёт жизнь городу. Оно открывает любую дверь. Даже ту, за которой скрыто невозможное. Но никто не знает, где оно. И слава богу.

— Почему «слава богу»?

— Потому что тот, кто найдёт его, получит власть над всеми дверями мира. Понимаешь, что это значит?

Тим покачал головой.

— Это значит, что он сможет открыть любую дверь. В любую комнату. В любой дом. В любую тюрьму. В любое сердце. Это слишком много для одного человека. Даже для самого доброго.

Он замолчал. А потом добавил тише:

— А ещё говорят, что за ним охотятся. Те, кто хочет использовать его во зло. Но это... это уже совсем другая история.

Они пошли дальше. Тим не стал больше спрашивать. Но что-то внутри него — что-то, что он не мог назвать, — вдруг насторожилось. Сердце Черепахи. Артефакт, спрятанный в городе. Тайна, которую никто не может разгадать.

Он не знал, почему, но ему казалось, что эта история будет иметь к нему прямое отношение.

Комната, которую ему выделили, была маленькой, но уютной. Кровать с балдахином, письменный стол, шкаф для мантий, окно с видом на море.

Тим лёг. Одеяло было мягким, подушка — прохладной. За окном плескалось море, и звёзды мерцали в небе.

Он закрыл глаза.

Завтра всё начнётся.

Глава 4. Распределение

Утро встретило Тима запахом жареного бекона и звоном посуды.

Он открыл глаза и несколько секунд не понимал, где находится. Потолок был не низким и потрескавшимся, как в подвале, а высоким, с деревянными балками. За окном плескалось море, и чайки кричали, кружа над водой.

Он оделся — в шкафу нашлась простая серая мантия, которая оказалась ему почти впору, — и вышел в коридор. Коридор был полон народу. Дети в мантиях разных цветов сновали туда-сюда, переговариваясь, смеясь, таща книги и свитки. Никто не обращал на Тима внимания. Он был просто ещё одним новеньким.

— Ты заблудился? — раздался голос сбоку.

Тим обернулся. Рядом стоял мальчик его возраста — рыжий, веснушчатый, с мантией, которая была ему великовата. На локте мантии красовалась заплатка в форме звезды. Мальчик жевал печенье.

— Я... я не знаю, где столовая, — признался Тим.

— Я тоже, — жизнерадостно сказал рыжий. — Но я слышал, что если идти за запахом бекона, то найдёшь. Я Барнаби. Барни. Барни Уиллоуби.

— Тим. Тим Картер.

— Ты новенький? Я тоже. Первый день. Мама сказала, чтобы я не позорил семью, но, честно говоря, я не уверен, что у меня получится. У меня шесть братьев и сестёр, и все они учились здесь. Все они были лучше меня. Ну, кроме

Перси. Перси был занудой.

Тим невольно улыбнулся.

Они пошли по коридору вместе — на запах бекона, как и советовал Барни. Вскоре к ним присоединилась девочка — каштановые волосы, круглые очки, которые она постоянно поправляла указательным пальцем.

— Вы идёте в столовую? — спросила она деловито. — Правильный путь — через галерею с черепахами, потом налево, потом по движущейся лестнице на второй этаж. Я читала в «Путеводителе по Сердцу Черепахи», что это самый короткий маршрут.

— Ты читала путеводитель? — удивился Барни. — До школы?

— Конечно. Я прочитала все книги о школе, которые смогла найти. Я — Мирабель. Мира. Мира Тислвуд.

— Тим.

— Барни.

— Очень приятно. — Мира поправила очки. — Вы, наверное, тоже волнуетесь. Это нормально. Я тоже волнуюсь. Но я составила список того, что нужно сделать в первый день, и это помогает.

Тим переглянулся с Барни. Барни едва сдерживал улыбку.

Столовая оказалась огромным залом с тремя длинными столами, накрытыми на сотни человек. Потолок был зачарован — сегодня он был ярко-синим, с лёгкими облаками. Над столами парили тарелки с едой, чайники сами разлива-

ли чай, а ложки прыгали в чашки, помешивая сахар.

Тим сел за стол, который, как ему сказали, был столом новеньких — тех, кого ещё не распределили. Барни плюхнулся рядом и сразу же нагрузил тарелку беконом, яйцами и тостами. Мира села напротив и начала аккуратно раскладывать еду по тарелке.

— Говорят, сегодня распределение, — сказала она. — Я читала, что это очень важно. От факультета зависит... ну, всё.

— А куда ты хочешь? — спросил Тим.

— В Водный, — ответила Мира без колебаний. — Там учатся самые умные. А ты?

Тим задумался. Он не знал. Он вообще ничего не знал об этом мире.

— Я не знаю, — честно сказал он. — А ты, Барни?

— Куда угодно, кроме Огненного, — сказал Барни с набитым ртом. — Там одни снобы. Мой брат Перси говорит, что оттуда выходят только тёмные волшебники и политики. А это, по сути, одно и то же.

— Барнаби! — возмутилась Мира. — Это предрассудки! Нельзя судить о людях по факультету!

— А я и не сужу, — возразил Барни. — Я просто повторяю то, что говорит Перси. А Перси — зануда, но он редко ошибается.

Тим засмеялся. Впервые за долгое время. Ему было... хорошо. Странно, но хорошо.

После завтрака все новенькие собрались в большом зале.

Профессор Морн — высокая, строгая женщина с пучком седых волос — вышла вперёд и объявила:

— Распределение начнётся через десять минут. Каждый из вас подойдёт к Сердцу Черепахи и назовёт своё имя. Сердце решит, куда вас отправить.

— Сердце Черепахи? — прошептал Тим.

— Это не тот артефакт, — прошептала Мира, которая, конечно же, всё знала. — Это другое сердце. Распределяющее. Оно висит в центре зала. Говорят, оно видит человека насквозь.

Тим поднял голову. В центре зала, на цепочке, спускавшейся с потолка, висело сердце. Большое, старинное, бронзовое, с узорами. Оно медленно вращалось, и в его блеске отражались лица новеньких.

Дети подходили по одному. Барни вышел вперёд, назвал своё имя — и сердце вспыхнуло золотым светом.

— Огненный! — объявил профессор Морн.

Барни просиял и побежал к столу, где его встретили радостными криками.

Мира вышла следующей. Сердце вспыхнуло синим.

— Водный!

Мира поправила очки и, довольная, направилась к своему столу.

Настала очередь Тима. Он вышел вперёд, чувствуя, как колотится сердце. Сердце вращалось, поблёскивая. Тим назвал своё имя.

Сердце остановилось. На мгновение в зале повисла тишина. А потом сердце вспыхнуло — не золотым, не синим, не зелёным, не жёлтым. Оно вспыхнуло белым. Ослепительно белым, как луна.

Профессор Морн замерла. По залу прошёл шёпот.

— Что это значит? — прошептал кто-то.

— Такого не бывает, — сказал кто-то ещё.

Профессор Морн подошла к сердцу, посмотрела на него, потом на Тима. В её глазах было что-то, чего Тим не понял. Удивление? Тревога?

— Огненный, — сказала она наконец, но голос её звучал неуверенно. — Ты... ты пойдёшь в Огненный.

Тим, ошеломлённый, пошёл к столу, где сидел Барни. Тот хлопнул его по плечу.

— Ты видел? Белый свет! Это что-то значит!

— Я не знаю, — пробормотал Тим.

Но он чувствовал, что это действительно что-то значит. Что-то важное. Что-то, что связано с ним. И, возможно, с Сердцем Черепахи.

Он посмотрел на профессора Мерлинвуда, сидевшего за учительским столом. Старик смотрел на него. И в его глазах было выражение, которое Тим не смог прочесть.

Глава 5. Первые уроки

Первый урок был Травология.

Профессор Талия Корнелия — полная, румяная женщи-

на в мантии, перепачканной землёй, — повела их в теплицы. Теплицы были огромными, стеклянными, полными растений, которые двигались. Одни цветы поворачивались к солнцу, другие — к ученикам. Одна роза, кажется, пыталась укусь Барни за палец.

— Не бойтесь, — сказала профессор Корнелия. — Они чувствуют страх. И, честно говоря, им это нравится. Так что — улыбайтесь.

Тим улыбнулся. Роза посмотрела на него, фыркнула и отвернулась.

— Сегодня мы будем пересаживать мандрагор. Кто знает, что такое мандрагора?

Мира подняла руку.

— Мандрагора — это растение, чей корень похож на маленького человечка. Её крик смертелен для того, кто его услышит. Но если надеть наушники...

— Верно, мисс Тислвуд. Пять баллов Водному. — Профессор Корнелия раздала наушники. — Надевайте. И не снимайте, пока я не скажу.

Тим надел наушники. Профессор вытащила из горшка маленькое, сморщенное существо, которое тут же завопило. Даже сквозь наушники Тим почувствовал, как звук отдаётся в костях.

— Не так страшно, — сказал Барни, который стоял рядом. — Мой брат Чарли говорил, что мандрагоры — это цветочки по сравнению с драконами.

— У тебя есть брат, который работал с драконами? — удивился Тим.

— Ага. Чарли. Он теперь в Румынии. Разводит драконов. Мама говорит, что это не профессия, а способ свести её в могилу.

После Травологии была История магии. Профессор Октавиус Пыль — призрак, серый и полупрозрачный — говорил монотонно, не поднимая глаз от свитка. Его голос был похож на жужжание пчелы. Через десять минут половина класса спала.

Тим пытался слушать, но не мог. Он думал о белом свете. О том, что сказал профессор Морн. О Сердце Черепахи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.